

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-68-76

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

© **Юрий Александрович Шестаков**

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия

shesyur@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ философских оснований национальной идеологии как феномена культуры. Предполагается, что роль идеологии как феномена культуры заключается в том, чтобы выступать в качестве адаптера культурных констант нации по отношению к актуальным интересам национально-государственного сообщества. Утверждается, что роль философского знания заключается в парадигмальном обосновании идеологии. Показано, что роль философии состоит в придании рационального смысла аксиологическим константам и опыту их интерпретации и осуществления в истории нации. Признается неизбежность когнитивного компонента идеологии и аксиологического компонента философии и делается вывод о том, что они подчинены разным целям. В первом случае – адаптации ценностных констант нации к ее интересам, во – втором – адаптации идеологии к объективной действительности.

Ключевые слова: идеология, нация, философия, безопасность, культура, история.

Для цитирования: Шестаков Ю.А. Философские основания национальной идеологии как культурного феномена // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109. № 2. С. 68-76. doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-68-76.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The philosophical foundations of national ideology as a cultural phenomenon

© **Yuriy A. Shestakov**

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russian Federation

shesyur@mail.ru

Abstract. The analysis of the philosophical foundations of national ideology as a cultural phenomenon is presented. It is assumed that the role of ideology as a cultural phenomenon is to act as an adapter of the cultural constants of the nation in relation to the actual interests of the national-state community. It is argued that the role of philosophical knowledge lies in the paradigmatic justification of ideology. It is shown that the role of philosophy is to give rational meaning to axiological constants and the experience of their interpretation and implementation in the history of the nation. The inevitability of the cognitive component of ideology and the axiological component of philosophy is recognized and it is concluded that they are subordinated to different goals. In the first case, it is the adaptation of the value constants of the nation to its interests, and in the second case, the adaptation of ideology to objective reality.

Keywords: ideology, nation, philosophy, security, culture, history.

For citation: Shestakov Yu.A. The philosophical foundations of national ideology as a cultural phenomenon. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 109. No 2. P. 68-76. doi: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-68-76.

Введение

Разработка оптимальной философской основы для современной национальной российской идеологии представляет собой крайне актуальную задачу. Необходимость ее созидания имплицитно присутствовала на протяжении всей истории современной России. Она была вызвана потребностями в обеспечении национальной безопасности. Ведь согласование нацио-

нальных интересов личности, социальных групп, общества и государства как субъектов и объектов национальной безопасности немислимо без выдвигения перед ними единой цели, единого смысла, единого идеала. Мобилизация ресурсов этих объектов и субъектов на достижение этих целей и этого идеала невозможна без формирования единой идеологии.

Идеология есть, по сути, форма специализированного политического сознания. Такое сознание, конечно, социально ориентированно и играет роль выразителя определенных социальных (в том числе и общенациональных) потребностей, интересов. Оно аксиологически ангажировано, то есть явно ценностно-ориентированно, но при этом остаётся теоретизированным сознанием. То есть оно должно иметь логическую и гносеологическую обоснованность, категориальный строй, нацеленность на объективное отражение действительности, выполняя синтезирующую, объясняющую и прогностическую функции по отношению к явлениям и процессам политической действительности. В силу этого чем актуальнее и насущнее становится необходимость сплочения нации на основе общих для объектов и субъектов аксиологических, культурных императивов, тем более актуальным и насущным является выработка соответствующей философской основы национальной идеологии.

Обсуждение

Несмотря на очевидность кризиса разнообразных метанарративов, вытекающих из того, что социальное бытие для постмодерна предстает «в виде обрывков событий, запахов, звуков, чувств, не связанных ни временной последовательностью, ни общим смыслом, ни логикой», [13, с. 152] очевидным представляется и тот факт, что «политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии» [8, с. 22]. Поэтому многие современные философы придают идеологии решающее значение в детерминации развития российского общества. Предавая остракизму российскую ультралиберальную идеологию, скрыто внедряемую ранее правящей элитой в систему государственного управления, образование, семью, посредством средств массовой информации и продуцирующую массовые негативные смыслы – прежде всего безграничный эгоизм – А.С. Запесоцкий, к примеру, видит выход «...в смене философии правящего строя» [10, с. 105].

Имеется в виду прежде всего восстановление характерной для мирового тренда развития ориентации на социализацию общественной жизни. Представляется, однако, что ситуация выглядит значительно сложнее. В первую очередь в силу того, что и либерализм, и социализм, и ряд других идеологических направлений вырастают из одного культурного корня – культурного мифа, сформированного в ситуации современности, поскольку «идеология возникает на стадии перехода от традиционных обществ к индустриальной цивилизации...» [20, с. 213]. Все они принадлежат к «...одному культурно-историческому типу мифологии модерна» [2, с. 70]. Как убедительно доказывают В.П. Римский и В.О. Белоненко единый миф современности, то есть эпохи модерна, лишь привлекал историю как поле действия культуры в качестве легитимации существующих порядков, либо отказывался от нее в тех же видах, сохраняя содержательный культурный контекст современности.

Отсюда и постоянные ценностные дихотомии модерна, который Б. Латур назвал «Конституцией Нового Времени» [11, с. 74]. Однако постмодерн радикально переосмыслил этот общий, универсальный миф модерна, поскольку «...мы больше не можем ни указать направление необратимого движения времени, ни присудить награду победителям» [2, с. 72]. Это касается и ретроспекции, взгляда на модерн из современности. История как пространство реализации культуры все более предстает перед нами в качестве континуума, отрицание и восхваление которого ничего не меняют во взгляде на современность, в оценке этой современности. Культура в ее историческом значении предстает перед нами в качестве неизбежной судьбы из которой можно извлекать уроки, но нельзя принять или отвергнуть. Не случайно говоря об идеологии принимают ныне за аксиому тот факт, что «...данный феномен является включенным в культуру народа и присутствует в большинстве сфер общественной жизни» [12, с. 32].

Культура все более и более предстает формой бытия вечного. Принимая во внимание то, что культура глубоко своеобразна и в этом качестве разнообразна мы можем соотнести ее с содержа-

нием определенной цивилизации, объединяющей разнообразные национально-государственные сообщества. Таким образом, именно культура формирует идеологию. Именно на основе общих культурных императивов формируется адекватный современности национальный идеал – образ, имеющий мощный ориентационный, интеграционный, мобилизационный, адаптационный потенциал и лишенный противоречий. Такой идеал и есть главное содержание идеологии. Этот идеал есть смысл бытия нации во времени. Поэтому он, с одной стороны, метафизичен, а, с другой, зависит от прошлого опыта культурных интерпретаций своей предельной культурной «самости», поскольку «процесс постижения предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного рода этой памяти, т.е. в форме интерпретации, в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого» [8, с. 17].

Идеология создает символы, которые интерпретируют реальность. Поскольку сущность человека заключается в том, что он осваивает действительность через их посредство символизм – это сама реальность, выраженная в осмыслении действительности. В идеологии он противопоставлен норме как должное сущему, но, в тоже время, составляет с ней диалектическое единство. Переход от нормы к идеалу понимается как реализация свободы и требует веры, убежденности (как правило иррационального характера, воплощающего потребности, интересы) и жертвенности, степень которой отражает степень веры, вытекающей из степени актуальности потребностей и интересов. Ценности, на которых основаны нормы, общечеловеческие по сути. Но их реализация дескриптивна. Нормы основаны на идеале. Но по функции они различны: стереотип, основанный на норме, связан с приспособлением к бытию, идеал – с его преобразованием.

Таким образом, идеал возникает тогда, когда адаптация нации не соответствует общекультурной тенденции, обусловленной свободой как высшей общемировой ценностью (вспомним, хотя бы мощную рефлексию этого аксиологического императива, осуществленного в рамках философии Гегеля) и ответственностью, которая является оборотной стороной свободы, платой за нее. В силу идеального характера сознания, которое приводит сущее к максимально возможному измерению, сообразно потребностям и интересам субъекта, очевидно, что «...понятия «истинности» и «ложности» по самой своей природе не являются универсальными категориями человеческого бытия» [23, с. 208]. Характерно, что «конец идеологии», постулируемый А. Камю, Р. Ароном, А. Гидденсом и Д. Беллом, якобы характерный для позднего индустриального общества, основанного на научном мировоззрении, десакрализации политики, эрозии культурных смыслов, обусловленный функциональностью, представленной самым разнообразным социальным и политическим инжинирингом, в целом своей аксиологической универсальности и, главное, полезности, на современном этапе не доказал.

Однако любая идеология необходимо включает в себя не только духовный, но и практический аспект освоения мира (некоторые современные философы даже хотят сменить термин «мировоззрение», лежащий в основе идеологии, на термин «мироосвоение» [4, с. 298]). Центрирующим, системообразующим элементом идеологии, конечно же, являются потребности, интересы. Ведь именно потребность обуславливает активность и деятельность как специфическую ее форму, направленную на освоение и, главное, на преобразование действительности. В том числе и деятельность по созданию и внедрению в массовое сознание идей, которые выражают отношение этих групп к миру политического, основанное на определенной культуре. Гносеологический, теоретический компонент играет здесь подчиненную роль.

Кроме того, любая, по крайней мере гуманитарная, теория зиждется на дорефлексивных, ненаучных, метафизических основаниях, обусловленных определенной культурой. Однако теоретическая и практическая интерпретация действительности оказывает и обратное влияние на идеологию, заставляя ее стремиться к определенной объективности в освоении мира (прежде всего его политической сферы) в определенных (в данном случае национальных) интересах. Таким образом, национальная идеология играет роль адаптера своей глубинной (а потому предельной, метафизической) культурной основы и опыта ее реализации в разных исторических условиях к практическим требованиям нации.

Тренд «второй модернизации», перехода к постиндустриальному или информационному обществу, порождает неизвестные ранее проблемы. Эти проблемы стоят уже не только перед отдельными национально-государственными сообществами, но и перед человечеством в целом. Причем это проблемы экзистенциального характера – проблемы выживания человечества и обретения смысла своего бытия. Для их решения необходимо изменение мировоззрения и «противодействие существующим фундаментальным и радикальным идеологиям» [12, с. 33], иначе говоря, обновление философского и идеологического багажа человечества. Новые условия глобальной эволюции, главной парадигмой которой (признанной на международном уровне) является устойчивое развитие так же, по словам В.С. Степина, ориентируют национально-государственные сообщества на «...поиск модели устойчивого движения к постиндустриальной цивилизации, что предполагает смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж духовной и интеллектуальной сферы, развитие культуры...» [22, с. 38]. Следовательно, актуальным является желание «...переосмыслить философско-мировоззренческие основания этой парадигмы» [6, с. 19].

Иными словами, необходим синтез, синкретизм всех сфер и аспектов человеческого бытия. Это объективно ориентирует человечество на поиск новых метанарративов, как бы скептически не смотрело на их возрождение постмодернистское мировоззрение. Необходимость обеспечить развитие и даже просто выживание общества и природы в новых условиях – условиях глобальных проблем современности – ведет к признанию принципа коэволюции как основы развития общества, а следовательно, к идейным, ориентированным на изменение мира политическому, то есть, по сути, философским, концептам, способным обосновать этот принцип с точки зрения научно-теоретической, ценностной и практической. Примечательно, что концепция устойчивого развития буквально пронизывает Стратегию национальной безопасности России, требуя соответствующего философского и идеологического обоснования.

Философия ищет и находит: предельные основания того, что формирует общество посредством власти как в институциональном, так и в ценностном аспектах; основные детерминанты исторической динамики общества; основания для объяснения и понимания сути исторического творчества человека. В силу этого философия является основной идейной ипостаси идеологии, обосновывающей социальные интересы и являющейся основой политической практики, поскольку объясняет и легитимирует деятельность по сохранению и преобразованию политических систем и их элементов. На основании этого некоторые философы склонны даже дифференцировать «идеологию» как «специфическую форму общественного сознания» от порождаемых ею «систем политической мысли», то есть от собственно «политической идеологии» [15, с. 12].

В действительности, по-видимому, речь здесь может идти, скорее, о разделении эмпирического и теоретического уровней политического сознания в рамках которого идеология выполняет окультуривающую массовое сознание функцию, поскольку «политические идеологии» «всегда опираются на классические теории политической философии» [15, с. 13]. Не случайно исследователи проблемы идеологии не смешивают ее с политическим сознанием, представляя последнее как «многогранное, неоднородное, «пульсирующее», внутренне противоречивое, многоуровневое образование» [17, с. 111], чрезвычайно эклектичное, (включающее, например, помимо консервативной, либеральной, фундаменталистско-радикальную и фундаменталистско-нигилистическую, тоталитарную и т.п. ориентации) и далеко не всегда рациональное и даже осознаваемое, базирующееся на каком-либо одном идеологическом направлении. Выделяется «мифологическое сознание», априори не логичное и бездоказательное, поскольку базируется на нерациональных предельных основаниях бытия, «аполитичное сознание», ориентированное на изоляцию от политики и т.п.

Поэтому свою функцию обоснования и легитимации национальных интересов национальная идеология выполняет, основываясь на философских концепциях. Хотя смешивать понятия философии и идеологии (как впрочем и противопоставлять их) не стоит. Еще Г.В.Ф. Гегель говорил о принципиальной расколотости современного ему социального бытия, о прин-

ципиальном несовпадении социальной истины, которую взыскует философия, и социальной практики, которую направляет идеология. И дело тут не только в том, что для того, чтобы переместится на эмпирический уровень общественного сознания, стать практическим руководителем деятельности масс по преобразованию мира политического (что и составляет понятие «эффективность идеологии»), философская основа идеологии должна быть упрощена и даже вульгаризирована путем выведения из идей тезисов, из тезисов установок, а из установок – лозунгов, направляющих поведение индивида.

Философия, как и идеология, ориентирует человека на трансцендентное, метафизическое, выраженное в идеях. Однако идеология как стабилизирующий, мобилизующий, интегрирующий и адаптирующий институт декларирует очевидное. Доминирующая же функция философии в общественном сознании – функция критическая, в значительной мере разоблачающая очевидное, однако, в то же время, и обосновывающая его. В известном смысле философия, действительно, как это утверждал Т. Адорно, есть по сути «...критика идеологии как конститутивного сознания» [1, с. 11]. Однако критика позитивная. Р. Арон говорит в своей книге «Опиум интеллектуалов», что «опыт вносит прогрессивную правку в доктринальные конструкции», причем опыт этот вырастает из анализа исторического развития [18, с. 351]. Задача этого анализа и лежит на философии, прежде всего на философии культуры и истории.

Уже Н.А. Бердяев упрекал идеологов либерализма в том, что либеральная идеология настолько фрагментаризировалась и оторвалась от исторического обоснования, что невозможна целостная «вера в либерализм». Необходимость возрождения этой веры Николай Александрович связывал с более глубоким обоснованием либерализма, обоснованием, которое носило бы метафизический, то есть философский, характер [7, с. 110]. Философия не принципиальный оппонент идеологии. Хотя бы потому, что понимает и обосновывает ее неизбежность как социального, политического и, шире, культурного феномена в тех условиях, когда население стало субъектом политики и принимает на себя ответственность за политические решения [3, с. 148]. В силу этого она не приемлет даже идеологических векторов. Консерватизм постулирует свою необходимость тем, что порождает у человека чувство причастности к культуре и истории своей страны как к сущности своего национально-государственного образования (недаром консерваторы настаивают на органической природе нации), дает человеку представления о миссии, смысле бытия во времени своего национально-государственного образования.

Однако он не видит тех условий, параметров, не только локальных, но и, главное, глобальных, универсалистских, в рамках которых происходит и, тем более будет происходить реализация, актуализация этой сути, воплощение ее в действительность. Либеральная и социалистическая идеологии, напротив, очень чутки к общемировым тенденциям, глобальным трендам реализации ценностей свободы и справедливости, однако недостаточно учитывают главное – аксиологическую сущность нации и цивилизации, воплощенную в категории «порядок». В глобальном плане либерализм и социализм чреваты опасностью космополитизации и универсализации, консерватизм – усилением государственной изоляции и международной напряженности. Еще Ф. Ницше в своем труде «О пользе и вреде истории для жизни» критически подошел к осмыслению: «антикварной истории», являющейся основой консерватизма и чреватой застоєм (то есть несоответствием мировым трендам развития); истории «критической», основанной на так называемых «общечеловеческих ценностях», которую поднимают на щит либералы, создающей неестественную природу нации, ослабляющую ее в процессе международной и культурной конкуренции и «монументальной», которая постулирует духовный прогресс, исходящий из аксиологического творчества, не обусловленного прошлым (что, в большей степени, характерно для социалистической идеологии) и которая в силу этого наиболее склонна впасть в опасность безмерного фанатизма [14, с. 91–98].

Да и в рамках одной идеологии мы видим зачастую самые разнообразные отношения к культуре и формирующему его историческому прошлому. Достаточно вспомнить Б.Н. Чичерина с его постулированием уличного, оппозиционного и охранительного разновидностей либерализма [16, с. 626–635]. Именно поэтому синкретизм философии призван играть роль поиско-

вого механизма для идеологии. Суть его – адаптация культурных императивов, действительно носящих метафизический характер, к требованиям времени. Стремление соответствовать им предполагает рациональную рефлексию, осуществляемую в рамках науки и основанной на ней философии, ибо любая идеология должна «сохранять определенную степень адекватности по отношению к существующей действительности» [21, с. 40].

Глубинная ценностная система общества есть выражение его сути, а не явления. Поэтому она относительно независима от практических проблем, встающих перед обществом и составляющими его стратами. Идеология играет роль и адаптера этих ценностей, и процесса их воплощения в культуре к реальным интересам общества и разнообразных социальных субъектов. По мнению В.П. Макаренко связь государства с идеологией обуславливает устойчивость и статичность политического идеала национально-государственного сообщества. Идеология неизбывна как неизбывен для человека и общества смысл его деятельности (вспомним хотя-бы К. Ясперса с его фразой о том, что история превратила человека в существо, ориентированное на смысл). Однако эта идеология может быть более или менее адекватна реальности.

Ее поводырем в мир реальности и выступает философия. Она позволяет осуществлять власть разума над идеологией (разума, который, однако, от идеологии не свободен). Она выполняет роль «идеологической парадигмы», которая структурирует социально-политическое пространство, делает его понятным и осмысленным» [9, с. 73]. Такая парадигма реализует универсалистскую интенцию идеологии, ее стремление к самогипостазированию, противостоящее выражению ею локальных, конкретно-исторических интересов определенной социальной группы (в данном случае – нации). Кроме того, она обеспечивает целостность, системность, непротиворечивость и комплексность идеологии – черты, свойственные любой теории.

Поэтому «если идеология ставит перед собой серьезные исторические цели и хочет получить должный результат, то ее обращение к науке неизбежно» [8, с. 16]. Основатель Южно-Российской школы политических наук профессор В.А. Макаренко утверждает, что идеология, в силу того, что «не проводит различие имен и дескрипций» не может в принципе претендовать на роль нормы, образца, идеала, без нового знания, созданного на стыке «рациональности, философии науки и теории языка» [24, с. 248]. Принимая во внимание то, что философия является ядром научного мировоззрения, феноменом систематизирующим и стабилизирующим научное знание, методологией научного познания – именно на нее ложится высокая миссия дать основание, матрицу идеологических доктрин. Исходя из этого, философия выступает в роли арбитра, препятствующего перерастанию идеологии из института, формирующего общество в институт манипуляции им со стороны потенциальных или действующих элит.

Роль философии состоит в придании рационального смысла аксиологическим константам, а также опыту их интерпретации и осуществления в истории. Разумеется, вряд ли можно вести речь об отсутствии обратного влияния, то есть о полном отрицании идеологической обусловленности философии, ибо, как писал А.В. Рубцов, «ничто не отменяет необходимости отслеживать в любом философствовании об идеологии собственную идеологическую установку, формирующуюся под воздействием внешнего живого контекста» [19, с. 69]. По-видимому, здесь речь идет о тех же неизбывных, глубинных, почвеннических, архетипических цивилизационных маркерах, обуславливающих сущностную природу национальной культуры вообще, а в данном случае культуры философской. Объективное рациональное описание и оценка государственной политики при разработке антиэтатистской методологии, по мнению В.П. Макаренко, вряд ли возможны в принципе, ибо требуют «...отрыва сознания от институционализованных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности» [24, с. 248], то есть все от тех же ценностно-нормативных оснований.

В силу этого неизбывная ценностная обусловленность философии не меняет роли философского мировоззрения и его конкретных проявлений в рамках отдельных ответвлений философского знания, в том числе знания культурфилософского. Она заключается в том, чтобы составлять ядро научного мировоззрения, его методологическую основу, придавать научному знанию смысл, в том, чтобы основываясь на рациональном, научном знании создавать теоре-

тические построения для выполнения, пожалуй главной своей функции – критической. Суть последней в том, чтобы постоянно повышать адаптационный и творческий потенциал человечества, основываясь на признании наличия в мире обусловленной законами необходимости. Характерно то, что именно в СССР философия получила официальный и легитимный в глазах общества статус научной и методологической основы идеологии. Это также проявление интенции российского массового сознания на привычный идеократический характер власти в новых условиях индустриального общества, в котором, по выражению Г.В.Ф. Гегеля, «произошло становление субстанции субъектом» [5, с. 9], то есть наука и научное мировоззрение начали играть роль основного источника истины.

Выводы

В философии ценностный компонент неустраним, как неустраним для идеологии, в том числе национальной, компонент когнитивный. Однако вышеуказанные аспекты являются здесь подчиненными различным целям. Для национальной идеологии такой целью является адаптация цивилизационных аксиологических констант к интересам разнообразных социальных групп. Для философии – рационализация этих ценностных констант и интересов с целью повышения их адаптационного потенциала по отношению к действительности. Национальная идеология является формой внедрения в массовое сознание определенных ценностных констант национального сообщества и основанного на их реализации политического опыта, а философия – формой рационализации идеологии.

Список источников

1. Адорно Теодор В. Негативная диалектика. М.: Академический Проект, 2011. 538 с.
2. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время и самоидентификация модерна Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2015. № 2 (199). С. 65–80.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2004. 248 с.
4. Владимиров А.А. Мировоззрение и идеология // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2016. № 48. С. 298–301.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 4. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. М.: Соцэгиз, 1959. XLVIII. 440 с.
6. Герасимов А.В. Философские основания концепции устойчивого развития России // Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 2. С.10–22.
7. Головков С.А. Социально-политические взгляды Н.А. Бердяева // Наука. Культура. Общество. 2005. № 3. С. 89–101.
8. Гуревич П. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 8–26.
9. Демин И.В. Философский и социально-политический аспекты проблемы идеологии // Вестник Московского университета. Серия 7 Философия. 2022. № 3. С. 68–86.
10. Запесоцкий А.С. Философия и современные российские реформы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013. № 2. С. 93–106.
11. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. 237 с.
12. Масаев И.В. Феномен идеологии в контексте практической философии: социально-философский анализ // Практическая философия: состояние и перспективы. Сборник материалов II научной конференции / Гл. ред. О.А. Габриелян. 2019. С. 30–36.
13. Несмеянов Е.Е., Матяш Т.П. «Цивилизация молодых»: идея и реальность // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 145–160.

14. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни; Казус Вагнера: эссе. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 92 с.
15. Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 7–29.
16. Политология: хрестоматия для студентов, аспирантов и преподавателей высш. учеб. заведений / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин; под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 1999. 843 с.
17. Преображенская К.Ю. Политическое сознание в контексте социальной философии // Наука и образование: проблемы и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции / Науч. ред. Ю.В. Мамченко. 2015. С. 108–113.
18. Раймон А. Опиум для интеллектуалов. М.: Изд-во АСТ, 2015. 480 с.
19. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 66–75.
20. Руденко А.М., Котлярова В.В., Шестаков Ю.А. Политология в схемах и таблицах: Учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 274 с.
21. Смирнова Е.В. К вопросу о соотношении социальной философии и идеологии // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 39–42.
22. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: ИФ РАН, 1996. 174 с.
23. Хмылев В.П. Концепт идеологии и его интеграция в современную эпоху // Известия Томского политехнического университета. Социально-экономические и гуманитарные науки. 2006. Т. 309. № 5. С. 206–211.
24. Халилов Т.А. Политический порядок и проблема идеологии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2017. № 3. С. 247–256.

References

1. Adorno Theodor V. Negative dialectics. M.: Academic Project, 2011. 538 p
2. Belonenko E.O., Rimsky V.P. Time and self-identification of modernity Scientific Bulletin of Belgorod State University. The Philosophy series. Sociology. Right. 2015. No. 2 (199). P. 65-80.
3. Wallerstein I. Mirosystemic analysis: an introduction. M.: Territory of the Future, 2004. 248 p.
4. Vladimirov A.A. Worldview and ideology // Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport. 2016. No. 48. P. 298-301.
5. Hegel G.V.F. Essays. In 14 vols. Vol. 4. System of Sciences. Part one. Phenomenology of the Spirit. M.: Sotsegiz, 1959. XLVIII. 440 p.
6. Gerasimov A.V. Philosophical foundations of the concept of sustainable development of Russia // Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State Humanitarian University. 2022. No. 2. P.10-22.
7. Golovkov S.A. Socio-political views of N.A. Berdyaev // Science. Culture. Society. 2005. No. 3. P. 89-101.
8. Gurevich P. Philosophical examination of ideology // Philosophical Anthropology. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 8-26.
9. Demin I.V. Philosophical and socio-political aspects of the problem of ideology // Bulletin of the Moscow University. Series 7 Philosophy. 2022. No. 3. P. 68-86.
10. Zapesotsky A.S. Philosophy and modern Russian reforms // Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy. 2013. No. 2. p. 93-106.

11. *Latour B.* There was no New time: an essay on symmetrical anthropology. St. Petersburg, 2006. 237 p.
12. *Masaev I.V.* The phenomenon of ideology in the context of practical philosophy: a socio-philosophical analysis // Practical philosophy: state and prospects. Collection of materials of the II scientific conference / Chief editor O.A. Gabrielyan. 2019. P. 30-36.
13. *Nesmeyanov E.E., Matyash T.P.* "The civilization of the young": idea and reality // Humanities and social Sciences. 2013. No. 6. P. 145-160.
14. *Nietzsche F.* On the benefits and harms of history for life; The Wagner Incident: an essay. St. Petersburg: Lenizdat Publishing Group, "Team A", 2013. 92 p.
15. *Osipova N.G.* Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 7-29.
16. Political Science: a textbook for students, postgraduates and teachers of higher education. textbook / Comp. M.A. Vasilik, M.S. Vershinin; edited by M.A. Vasilik. M.: Gardariki, 1999. 843 p.
17. *Preobrazhenskaya K.Y.* Political consciousness in the context of social philosophy // Science and education: problems and prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference / Scientific ed. by Yu.V. Mamchenko. 2015. P. 108-113.
18. *Raymond A.* Opium for intellectuals. Moscow: AST Publishing House, 2015. 480 p.
19. *Rubtsov A.V.* Illusions of deideologization. Between the rehabilitation of the ideological and the prohibition of the nationalization of ideology // Questions of philosophy. 2018. No. 6. P. 66-75.
20. *Rudenko A.M., Kotlyarova V.V., Shestakov Yu.A.* Political science in diagrams and tables: A textbook. M.: RIOR: INFRA-M, 2018. 274 p.
21. *Smirnova E.V.* On the relationship between social philosophy and ideology // Questions of philosophy. 2019. No. 1. P. 39-42.
22. *Stepin V.S.* The era of change and scenarios of the future. Moscow: IF RAS, 1996. 174 p.
23. *Khmylev V.P.* The concept of ideology and its integration into the modern era // Proceedings of Tomsk Polytechnic University. Socio-economic and humanitarian sciences. 2006. Vol. 309. No. 5. P. 206-211.
24. *Khalilov T.A.* Political order and the problem of ideology // Political conceptology: journal of metadisciplinary research. 2017. No. 3. P. 247-256.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 22.03.2025; принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 22.03.2025; accepted for publication 22.03.2025.